
Иван ВОЛОСЮК

* * *

Иди из озера в дома
с песком в карманах или кедах,
забудь о коктейбельских кедрах,
о шишках в голубых дымах.

Такие вещи не вмещать
рекомендовано врачами,
я больше не могу дышать,
меня тарашит и вращает.

О, как разламывают грудь
иносказание и кашель,
как отпускает по чуть-чуть
в моем Крыму неточно в вашем.

Гдехватишься знакомых черт,
немыслимой достигнешь муки,
смотри, как принимают Керчь,
а Карадаг ведут под руки.

Где трудно падать на слуху,
быть телом в солнечном развале,
но мы подросткам подгоняли
рифмованную чепуху.

* * *

Ты только стыд и синих глаз заплыв,
прости меня, мой комиссар Каттани:
мы сделали недолгий перерыв,
когда зажгли костры в Афганистане.

Земля круглей не стала, и пока
не сгнули огни за полустанком,

Иван Волосюк родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Новая Юность», «Юность», «Москва», «Наш современник», «Новый берег», «Интерпоэзия». Участник ряда форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, фестивалей Фонда СЭИП на Украине и в Беларуси. Дипломант XV и XVII Международных литературных Волошинских конкурсов. Стихи переведены на итальянский, испанский, французский, болгарский, сербский и румынский языки. Живет в Подмосковье, пишет о литературе для «Московского комсомольца».

но было ясно: этот сын полка
невозмутимо станет перед танком.

Все остальное схлопнулось само,
и дождь заполнил ямы и траншеи.
А мы пошли с тоскою островной
и взяли две лопаты: мы с тобой
хотели уничтожить перешеек.

* * *

В чужой стране все девы налегке.
— Твой дом — тюрьма, — сказал мне Плиний Старший, —
но тут пока сиди на поводке.
— О герр майор, поймите, мне не страшно.

Такие сны я принимал на грудь,
в таких дымах вдыхал я воздух Рима,
что можно не успеть переобуть,
а вот переодеть — необходимо.

Хотя, конечно, если дать ногой,
я перегнусь, и будет мне хреново,
но так Европу вывезли нагой,
а кто увез, спросите у Серова.

Еще пример из досточтимых лет:
туда-сюда моталась Антигона,
но все границы — это дрянь и бред,
обол во рту и звезды на погонах.

* * *

Я сахар свекольный топил на газу
и зуб залечил чесноком,
а утром проснулся с булавкой в мозгу
и сжег ненавистный обком.

Я внутренним светом своим одарил
казенные лица вождей,
я шлялся с канистрой до края зари
и выкинул в море дождей.

А дома все те же предметы и быт
и нету для счастья причин,
но больше во мне ничего не болит —
и это великий почин.

САЛЬВАДОР ДАЛИ

Это сходство не станет портретным
вне полета пчелы и осы.
Я не мог рисовать человека —
проще тумбочки или часы.

До сих пор не искали причину,
стол застелен, и мы не едим.
Что-то странное про Украину
померещилось с островом Крым.

Потому так мучительно долгод
тихий путь с перерывом на боль,
где приходит Господь-стоматолог
и вливает мне в рот канифоль.

И в окне, как в огромной иконе,
появляются лица войны.
Это только начало, Антоний:
будут лошади, будут слоны.

* * *

Я сдался облаку войны,
исчез с отеческих радаров,
я пролетал, ломая сны,
над вражескими городами.

То керосин сжигал, как мог,
то шел на чистой силе духа,
бросая сверху, как цветок,
свое отрезанное ухо.

Я был как ножик для консерв:
в любую мог войти легко так,
то, как Самойлов на концерт,
нетрезвый рвался к самолету.

И было всякое: «люби»
всегда рифмуется с «бомби»,
и чей-то рай в дыму и пыли.

И что огни внизу в степи —
там точно нету десяти,
чтоб мы весь город пощадили.